

Наринэ Абгарян
МАНЮНЯ
едет на концерт

Иллюстрации *Елены Жуковской*

Москва
Издательство АСТ
2024

Манюня едет на концерт, или Как можно заставить гневаться Бетховена

— Белый верх, темный низ, форма парадная! — метался по коридорам музыкальной школы обезумевший от волнения хормейстер Серго Михайлович. — Девочкам обязательно повязать пышные белые банты, колготки тоже белые. Туфли черные!

Волнение Серго Михайловича легко объяснялось — завтра должно было состояться выступление учеников музыкальной школы города Берда в доме культуры села Мовсес. Выступление было приурочено к торжественной дате — пятидесятилетию создания колхоза «Заветы Ильича», самого передового в нашем районе.

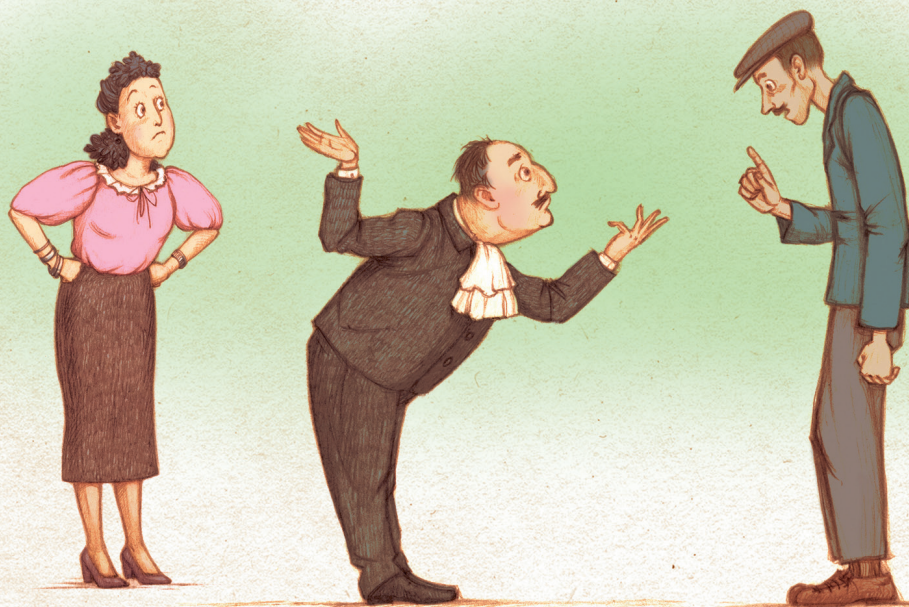
— Приедет делегация из соседнего Красносельского района, — Серго Михайлович заикался от волнения. — А также предполагается присутствие ответственных товарищей из других республик!

Если бы Серго Михайловичу сообщили, что послушать выступление учеников нашей школы прилетают жители далекой галактики Альфа Центавра, то волнения, поверьте, было бы меньше. Одно дело представители инопланетных, чуждых нашей партии и правительству идеологий, другое дело — пятидесятилетие самого передового на весь район колхоза!

— Завтра с утра никто не пойдет в школу, мы обзвоним ваших директоров и представим им список учеников, которые по уважительной причине будут отсутствовать на занятиях! — Наш дружный радостный рев заглушил на минуту голос Серго Михайловича, но хормейстер был стреляным воробьем — одним взмахом невидимой дирижерской палочки он заставил крик захлебнуться. — С девяти утра и до часу дня мы репетируем в школе, потом все расходятся пообедать и переодеться! В три часа собираемся возле входа, там нас будет ждать автобус. Начало праздничного концерта — ровно в шесть! Опаздывать нельзя!

Еще бы опаздывать нельзя! На восемь часов вечера, в честь прибытия высоких гостей из соседних районов и республик, был намечен торжественный банкет. Банкет потом плавно перетекал в завтрак. Далее гостей загружали в автобусы или служебные автомобили и раскидывали по пунктам назначения.

На следующий день, ровно в пятнадцать ноль-ноль, мы с Маней, простирнутые и отутюженные до крахмального скрипа, вошли во двор нашей музыкальной школы. Первым, что бросилось нам в глаза, был заляпанный по самые брови грузовик «ГАЗ-63». Он раскорячился напротив входа в школу и всем своим видом гордо свидетельствовал о самом непосредствен-

ном своем участии в защите Киевской Руси от печенежских набегов.

Рядом с грузовиком волновалась стайка наших ребят в одинаковых белых сорочках и темных брюках. Чуть поодаль трепетали девочки с белыми пышными бантами в волосах.

У капота грузовика, при полном параде, в бархатном пиджаке и кружевном жабо безутешно рыдал хормейстер Серго Михайлович. По левую руку от него клокотала в праведном гневе аккомпаниатор Инесса Павловна. Нам с Маней сразу стало ясно — происходит что-то из ряда вон выходящее.

Рядом с грузовиком виновато переминался с ноги на ногу кургузый худющий мужичок и периодически встревал во вселенский плач Серго Михайловича:

— А я-то при чем, мне сказали — загрузить и довезти до пункта назначения, я и приехал... Ты пойми, автобус сломался, чинить его будут, скорее всего, целую вечность, другого свободного автобуса нет... Я шофер опытный, кого только не перевозил — и племенных бычков, и коров, и свиней, а однажды

мне доверили чистокровного коня ахалтекинской породы, ты хоть знаешь, сколько они стоят?

Серго Михайлович оторвался от капота и смерил водителя уничтожающим взглядом.

— Объясните мне, при чем здесь племенные бычки или коровы?! — крикнул он. — Это дети, вы понимаете? Де-ти!!! Как я могу позволить перевозить их на таком... — хормейстер запнулся, — драндулете?

— Зачем обзываешься? — заволновался бывший перевозчик чистокровного коня ахалтекинской породы. — Это же ласточка, а не машина. Ее как списали за физический износ с военного полигона — так она и служит нам верой и правдой двадцать лет. Ни разу не подвела!

— Вас как зовут? — в голосе Серго Михайловича зазвучала такая надежда, словно, назови сейчас водитель грузовика свое имя, и чудо-агрегат из тыквы превратится в изящную карету.

— Анушаван меня зовут, — галантно представился мужичок, — можно Анушаван Наполеонович!

— Как-как? — У Серго Михайловича задергалось веко. — Как, вы говорите, вас зовут?

Водитель грузовичка нервно покосился на глаз Серго Михайловича, потом спешно отвел взгляд в сторону кружевного жабо.

— Наполеонович я, — пробубнил он, — можешь меня просто Анушаваном звать. Главное — ты не сомневайся, я шофер опытный, довезу вас с песней!

— С какой песней?! — Серго Михайлович в поисках поддержки повернулся дергающимся веком к Инессе Павловне. — Там все заляпано по самую крышу! И как я могу позволить, чтобы на таком грузовике перевозили этих музыкальных детей? — Перст Серго Михайловича вперился в нас — мы в

знак солидарности мигом слились в единый, празднично одетый многоглазый организм. — Две скрипки! — выкрикивал Серго Михайлович свои аргументы. — Альт, два канона, гитара! Два доола, один дудук! Две флейты! Пюпитры! Нотные книги! Тридцать восемь детей из интеллигентных семей!

Инесса Павловна заламывала свои прекрасные тонкие руки в многочисленных серебряных браслетах — нет, не затем она выросла в кружевном тбилисском Авлабаре, чтобы разъезжать на грузовике для перевозки скота.

— Серго Михайлович, — высунулась из окна секретарша музыкальной школы, — я дозвонилась, мне сказали, что ни одной свободной машины нет, придется ехать на грузовике. Если вы прямо сейчас не двинетесь, то к шести часам точно не успеете.

Выхода не было. Мы сложили в кузов музыкальные инструменты в футлярах, нотные книги, пюпитры. Пол там и сям был завален засохшей травой и листьями от кукурузных початков, лохмотьями мешковины, плохо прочищенными следами коровьих лепешек и другим полезным в сельском хозяйстве добром. Борта кузова ходили ходуном и топорщились шляпками больших гвоздей.

— Ребята, крепко держимся за борт грузовика, но не облакачиваемся, одежда белая, испачкаете! — выкрикивал хормейстер, подсаживая каждого ребенка в кузов.

Сам залез последним и проследил, чтобы Анушаван Наполеонович тщательно закрепил задний борт грузовика.

Инессе Павловне галантно уступили место рядом с водителем.

Анушаван Наполеонович заметно волновался при виде нашей аккомпаниаторши.

— Домчу как ласточку, — шаркнул он ножкой в раздолбанном башмаке.

Мы в ужасе жались по периметру бортов грузовика. Сесть было некуда. В довершение ко всему оказалось, что металлические части кузова проржавели насквозь, а каждый уважающий себя ребенок из замученной дефицитом советской семьи четко помнил — ржавчину с одежды не извести ничем.

